

—Рассказывать дорогу к золотоискателям долго, возвращайтесь проводника, — посоветовал начальник планового отдела Салдинского карьера Владимир Федорович Фунин. — Сейчас на драгу собирается смена.

Мы последовали его совету, и вот за стеклами нашей машины промелькнули белоснежные домики поселка в нежно-голубоватом ожерелье цветущей сирени, под колеса побежала влажная лента таежной дороги.

Когда машина запрыгала в колдобинах, вздыхая, наш проводник пожаловался:

— Сколько мы денег умос-

тнет. Сейчас еще цветочки, будут и ягодки.

По сторонам гордо покачиваются солнечными головками колокольчики, в прогалинах дорогим узоречьем рассыпались медуники. Частокол ольховника, через который и медведь не проредится, сменяют сосны в два обхвата, зелеными косынками листвы помахивают тонконогие березки.

Впереди, как нам показалось, появился завал. Настил в топком месте из свежесрубленных деревьев, на него брошены тонкие елки.

— Трактором не успели примять, — съязжим мы поняснение.

кий храбрый «ЗАЗ-969» полез на завал, пригибая хвою.

Радоваться рано. За очередным поворотом дорогу преградила поваленная недавней бурей толстая осина. Объехать? Слева стена леса, а справа вырубка, всюду торчат пни.

Искусство нашего водителя спасло положение и на этот раз: машина снова вырнула в прохладный зеленый коридор. Где-то вдалеке он чуточку распахивался, открывая кусо-

кавинкой глаза, неспешные, уверенные движения. На нем потрепанная брезентовая куртка, видавшие виды сапоги, потертая кепка. Все обличает в драгере человека таежного, бывалого, одного из тех, которые не испугаются и самого хозяина тайги. Двадцать семь лет Юрий Семенович посвятил работе на драгах. Сначала на севере — мыл драгоценные хрусталики алмазов. Вот уже девятый год работает здесь, на 47-й драге — добывает золото.

Человек и его дело

ЗОЛОТЫЕ СКАЗЫ САЛДЫ

ЭТО ЕЩЕ ЦВЕТОЧКИ! ПРОФЕССИЯ
ПО НАСЛЕДСТВУ. ДРАГА № 47.

чек лазурного неба. Там плавились, растекались солнечные лучи.

Повеселевший проводник негромко рассмеялся:

— Вспоминаю один недавний случай, — пояснил он. — Как-то едем на работу, и вот где-то здесь, чуть ли не перед капотом машины, появился огромный медведь. Мишка мгновение смотрел на невиданное, громыхающее железное чудо, затем рявкнул со страху и одним прыжком махнул через дорогу...

У Юрия Семеновича Вось-

мухин раскуривает папиросу, щурясь от дыма, начинает рассказ:

— Весь наш род, можно сказать, золотоискатели. Зарядил меня с братьями этим ремеслом отец, Семен Поликарпович. Начинал он на коробках — паровичках, которые в тридорога поставляла заграница. Технология работы на них была примитивной, такие разработки золотоносных жил можно сейчас назвать хищническими. Батя до винтика знал заграничных «гостей», но с ведомыми, падающими

Машина еще несколько раз подпрыгивает в рыхлых и с торжествующим ревом вырывается на простор светлой, залитой солнцем поляны.

— Здесь сядем, — уверенно говорит Восьмухин, когда колеса коснулись на редкость яркого, изумрудного ковра травы — верного признака болота.

Самонадеянность подвела нас, и мы надежно утопили «ЗАЗ». Перемазавшись с ног до головы, убедившись, что без топора не обойтись, махнули на все рукой и пошли за своим проводником.

Одлев пригород, все невольно остановились. Невдалеке слышался грозный скрежет и гул — будто гигантский доисторический динозавр сокрушил своими челюстями скалу.

— Наша, 47-я работает, — улыбнулся Восьмухин и пошел к реке спорым, легким шагом.

Подойдя к заливчику, где плавали овальные листья кувшинок, мы увидели тую натянутый, толщиной в руку, трюс, петля которого, обхватив толстую сосну, врезалась в нее так, что почти утонула в дереве. Стальная струна уходила вглубь леса.

— Это растяжной трос, удерживает драгу, — объяснил мимоходом Восьмухин.

Лес неожиданно расступился, блеснула гладь реки. Посредине ее стояла многоэтажная машина таежного корабля

ДЕЛО ЗА ВАМИ, СТРОИТЕЛИ

Производственные кор-

— Сколько мы денег умостили в эти километры, и бестолку: щебень, гравий — все

яснило.

Наш водитель раздумывает недолго — и вот уже малень-

● На проверке — ход реконструкции

находится сюда пока под

бокс для стоянки механизмов площадью 450 квадратных метров. Кроме того, завод полностью обеспечивает строителей пиломатериалами, мягкой кровлей, горюче-смазочными материалами, оказывает необходимую

У Юрия Семеновича Восьмухина худощавое, бронзовое от загара лицо, живые, с лу-

зами ограниченных «глостей», но с радостью взялся мыть золото на отечественных драгах.

Когда мы подросли, не раздумывали долго, чем заняться. Очаровал нас не блеск золота. Привлекли стальные корабли,

ная машина таежного корабля с двумя металлическими мачтами.

На берегу нас ждала лодка.

— Ну, поплыли. — Проводник сильно оттолкнулся в сторону.

А. ШЕВЧЕНКО.

Продолжение следует.

На снимке: драга № 47.

Фото М. ПРОВОРОВА.

(Окончание.)

Начало в №№ 77, 78.

ALEKSANDR поднял бинокль, медленно повел им по горизонту. Близко-близко подступил, застыл в перекрестье нитей, затопленный лес, где по колено в воде стояли грустные березы, затем наплыл низкий покатый берег, на котором столпилась веселая стайка осин. В лизы ударили густой малиновый свет. Это огненная колесница солнца закачивала свой бег за неблизкими холмами.

Александр отнял глаза от бинокля, облокотившись о поручни, стал смотреть вниз, в темную воду.

Вот и сбылась твоя мечта, Сашка, стоишь на мостице драги. Прийти к нему было нелегко: через трудные годы учебы в техникуме, службы в армии. Теперь все это позади. Не сдался, выстоял долгую вахту, поджидая паруса своей бригантины.

Достав пачку фотографий, Александр раздвигает их веером. Сразу становится зябко при взгляде на угрюмые, покрытые мелколесьем горы, изображенные на снимках, се-ре тусклое небо и саван снежных полей. И в этом стылом, пустынном краю взметнулись мачты драги. Да, не сладко пришлось там, на севере, где проходил практику, хлебнул лиха. Морозы такие, что прикоснись голой рукой к железной стене — потом не отдерешь. Работать приходилось под насмешливым взглядом старых золотоискателей: и то неладно сделал, и там прово-

ронил. Приискатели были не прочь позубоскалить над практикантом, но их необидные шутки не задевали. Порой и сам расхочечешься, зная, что сейчас вот этот медвежеватый дядя с кирпичным от холода лицом подойдет и поможет исправить промах. Суровая школа пошла на пользу

Александру Салахутдинову — драгу сейчас знает назубок.

На память пришли давно прочитанные книги. Любил Александр в детстве сказы Бажова. Читал, и оживает седая старина, словно наяву видишь девку Синюшку, Золотого Полоза, Хозяйку Медной горы... Может, впечатления тех лет и утвердили его в решении стать золотоискателем, добывать подземные клады.

Рядом остановился покашливая, беспощадно дымя самокруткой, Бекташев, старый машинист.

Александр искоса глянул в его обветренное лицо, на котором разбежалась от прищуренных глаз броская сетка морщин, приветливо кивнул головой.

— О чём мечтаешь, техрук?

— Бекташев поднял на Александра всегда задумчивые, спокойные глаза.

За старшим машинистом шла слава неразговорчивого человека, и Александр был немало удивлен.

— Вспоминаю сказы Бажова, Вениамин Степанович, —

золото нашли. Получит старатель свои несчастные копейки и — берегись, такая жисть — пошел гулять по кабакам, а их было — как грибов после дождя. Вот так и катились мутной рекой горе да кабала. Ну, сейчас другие сказы у Салды начались — золотые...

Бекташев скромно улыбнулся:

Человек и его дело

ЗОЛОТЫЕ СКАЗЫ САЛДЫ

СВОЙ ПАРУС. БЕКТАШЕВ. ЗА ТУМАНОМ.

ответил он, чуть помедлив.

— У Салды свои сказы, — негромко заговорил машинист, затягиваясь дымком. — Есть злые, есть и хорошие... Когда открыли здесь золото, много разного люда нахлынуло. За трудягами-старателями притягивало воронье: тайные скопищики золота, торгари и всякая другая нечисть.

Работа на прииске была — сущая каторга. Возит бедолага день-деньской тачку с песком к бутаре, брякнется, и душа из него вон. А кто домой притягивается, и жизни не рад: ждет его сырья землянка, где лягушки на полу прыгают, да пустые щи.

Раньше наш Октябрьский поселок Богомоловским прииском звался, по имени купца, на землях которого кварцевое

— Сам видишь, на каком корабле плаваем, как фабрика. Только за машинами присматривай — они тебе сами золото намоют...

Под впечатлением рассказа старого золотоискателя спускался Александр по крутым трапам к сердцу корабля. У Бекташева, если он разговаривается, можно узнать много нового, захватывающе интересного. Немало доброго и недоброго повидал на своем веку кавалер ордена Трудового Красного Знамени.

Придирчиво осматривая по пути бутару, лебедки, шестерни, Салахутдинов в задумчивости остановился перед насосом на нижней палубе, гудевшем на высокой ноте грозно и раскатисто.

Озабоченно осмотрев насос и убедившись, что он тянет пока исправно, Александр поднял крышку люка и по отвесному трапу спустился в огромный, гулкий и пустой понтон. Звуки машин сразу стади глушше, их поглощал экран стального потолка.

Александр огляделся. Понтона — важнейшая часть корабля. Пробьет его, и гигант затонет. На случай аварии у стены аккуратным штабелем сложены бревна.

Когда люди наверху, жизнь корабля надежно охраняет датчик. Если в понтоне появится вода, она обязательно коснется поплавка умного прибора, и сразу заревут мощные насосы, удержат драгу на плаву.

Измаланный, но довольный осмотром Александр поднялся на верхнюю палубу. Здесь уже бушевала гроза, лес и река исчезли в потоках ливня, а невдалеке, увлекшись работой, беззаботно распевал верхний машинист:

— Понимаешь, это странно, очень странно, Но такой уж я законченный чудак. Я гоняюсь, я гоняюсь за туманом И с собою мне не справиться никак...

Ослепительная молния голубым клинком рассекла фиолетовый щит неба, пушечным выстрелом раскатился гром, а песня не утихала.

А. ШЕВЧЕНКО.
На снимке: Вениамин Степанович Бекташев.
Фото М. ПРОВОРОВА.